

Душа человека

То, что мы называем цивилизованным сознанием, прочно отделило себя от основополагающих инстинктов. Но эти инстинкты не исчезли. Они лишь потеряли контакт с сознанием, посему принуждены утверждать себя косвенным образом — посредством физических симптомов в случае неврозов или путем разного рода инцидентов, как то: безотчетного настроения, внезапной забывчивости или речевых ошибок.

Человеку нравится верить в то, что он хозяин своей души. Но до тех пор, пока он не способен контролировать свои настроения и эмоции или осознавать мириады скрытых путей, по которым бессознательные факторы вкрадываются в его мероприятия и решения, человек хозяином самого себя не будет. Эти бессознательные факторы обязаны своим существованием автономии архетипов. Современный человек защищает себя от сознания собственной расщепленности системой разделенных отсеков. Определенные области внешней жизни и поведения сохраняются, так сказать, в разных отсеках и никогда не сталкиваются друг с другом.

В качестве примера такой психологии отсеков я вспоминаю случай одного алкоголика, который попал под влияние религиозной общины и, захваченный ее энтузиазмом, совершенно забыл о выпивке. По всей вероятности он был чудесно исцелен Иисусом Христом и играл роль свидетеля как божественной милости, так и эффективности в деятельности этой религиозной организации. Но спустя несколько недель после публичной исповеди ажиотаж начал стихать, да и алкогольная пауза давала о себе знать, и тогда он запил снова. Общинные благодетели пришли к выводу, что случай оказался “патологическим” и, по всей видимости, не пригодным для вмешательства Иисуса, поэтому они поместили беднягу в клинику — божественный Целитель уступил свое место докторам.

Это — один из аспектов современного “культурного” сознания, в который стоит заглянуть поглубже. Он указывает на тревожащий уровень диссоциации и психологической неразберихи.

Если на миг мы представим человечество как единого индивида, то увидим, что человеческая раса напоминает персону, увлеченную бессознательными силами; человеческая раса также предпочитает помещать определенные проблемы в разделенных отсеках. Вот почему нам следует попытаться понять, что же мы делаем, поскольку сейчас человечеству угрожают созданное им же смертельные опасности, выходящие из-под контроля. Наш мир диссоциировался, разложился как невротик, и железный занавес обозначает символическую линию этого разделения. Западный человек, осознав агрессивную волю к власти Востока, видит себя вынужденным принимать экстраординарные меры обороны, одновременно выдавая их с гордостью за собственную добродетель и благие намерения.

Он не способен понять, что речь идет о его же собственных пороках, умело прикрытых тонкими дипломатическими приемами и ходами, пороках, в которых беззастенчиво обвиняет его коммунистический мир. То, что перенес Запад — незаметно и с легким чувством стыда (дипломатическая ложь, систематический обман, скрытые угрозы), — открыто и в полном объеме пришло с Востока и связало нас невротическими узлами. Это лицо его собственной злой тени, ухмыляющееся на западного человека с другой стороны железного занавеса.

Таково состояние дел, которое объясняет особенность чувства беспомощности столь многих людей в западных обществах. Они начинают осознавать, что трудности, с которыми мы сталкиваемся, являются по сути моральными проблемами, и что попытка ответить на них политикой наращивания ядерного оружия или “экономическим соревнованием” достигает немногого, поскольку оба пути разрушительны. Многие из нас теперь понимают, что моральные и ментальные средства являются более эффективными, так как они могут обеспечить нас психической защитой против всевозрастающей инфекции.

Но все подобные попытки уже доказали свою исключительную неэффективность и будут доказывать ее еще долго, до тех пор, пока мы будем пытаться убедить себя и мир в том, что только они неправы (т.е. наши оппоненты). Было бы гораздо более оправданным сделать серьезную попытку понять свою собственную тень и ее гнусные деяния. Если мы сможем увидеть свою собственную тень (темную сторону своей натуры), то сможем защититься от любой моральной и ментальной инфекции и любых измышлений противника. А как показывает практика, ныне мы открыты любой инфекции, потому что фактически делаем те же самые вещи, что и они. К тому же мы имеем и дополнительный недостаток, заключающийся в том, что мы либо не понимаем, либо не хотим понять, прикрываясь хорошими манерами, то, что делаем сами.

Попутно замечу, что коммунистический мир имеет один великий миф (который мы называем иллюзией в слабой надежде, что наше высокое суждение поможет ему развеяться). Это свято почитаемое архетипическое видение Золотого Века (или Рая), где в изобилии имеется все для каждого и где всем человеческим детским садом правит великий справедливый и мудрый вождь.

Этот мощный архетип в инфантильном виде держит их в своих руках и вовсе не собирается исчезать от одного надменного взгляда с Запада. Мы даже поддерживаем его своей ребячливостью, поскольку наша западная цивилизация пребывает во власти той же самой мифологии. Бессознательно мы дорожим теми же самыми предрассудками, лелеем те же надежды и ожидания. Мы также верим в благосостоятельное государство, во всеобщий мир, в равенство людей, в незыблемые человеческие права, в справедливость, в правду и (не говорите это слишком громко) в Божье Царство на земле.

Печальная правда заключается в том, что жизнь человека состоит из комплекса неумолимых противоположностей — дня и ночи, рождения и смерти, счастья и страдания, добра и зла. Мы не уверены даже в том, что какое-то одно будет преобладать над другим, что добро победит зло или радость — боль. Жизнь — это поле битвы. Оно всегда существовало и всегда будет существовать, будь это не так, жизнь подошла бы к концу.

Именно этот конфликт внутри человека и привел ранних христиан к ожиданию и надежде на скорый конец мира, а буддистов — к отвержению всех земных желаний и надежд. Подобные ответы были бы откровенно самоубийственными, если бы не были связаны с рядом специфических ментальных и моральных идей и опытом, составляющим основу обеих религий, — что в некоторой степени смягчает их радикальное отрицание мира.

Я подчеркиваю это, потому что в наше время существуют миллионы людей, потерявших веру в любую религию. Эти люди больше не понимают своей религии. Пока жизнь течет гладко и без религии, потеря остается незамеченной. Но когда приходит страдание, дело меняется. Тогда люди начинают искать выход и рассуждать о смысле жизни и ее ужасном и мучительном опыте.

Интересно, что к психологам (по моему опыту) чаще всего обращаются евреи и протестанты и гораздо реже — католики. Этого можно было бы ожидать, так как католическая церковь до сих пор считает себя ответственной за *siga animarum* (забота о душевном благополучии). Но и в наш научный век психиатру очень часто задают те вопросы, которые всегда относились к области теологии. Люди чувствуют, что возникает большая разница в зависимости от того, сохраняют ли они положительную веру в осмысленность жизненного пути и только или же они верят в Бога и в бессмертие. Призрак приближающейся смерти часто дает мощный толчок подобным мыслям. С незапамятных времен у людей существовали понятия о Высшем Существо (одном или нескольких) и о загробном царстве. Но лишь сегодня они думают, что могут без этого обойтись.

Поскольку нельзя с помощью радиотелескопа увидеть божественный престол на небе или установить (наверняка) присутствие рядом возлюбленных отца и матери в более или менее телесном виде, то люди считают, что такие идеи “далеки от истины”. Я бы даже уточнил, что они недостаточно “истинны”, так как принадлежат к понятиям, сопровождающим человеческую жизнь с незапамятных времен и прорывающимся в сознание при каждом удобном случае.

Современный человек может считать, что вправе обойтись и без них, настаивая на своем утверждении тем, что отсутствуют научные доказательства их истинности. Он даже может сожалеть об утрате этих понятий. Но поскольку мы имеем дело с невидимыми и неведомыми мирами (так как Бог находится за пределами человеческого понимания и нет способов доказательства бессмертия), то почему мы должны беспокоиться о доказательствах? Ведь если

мы не знаем причин, по которым должны солить свою пищу, то мы же не откажемся от соли. Можно, конечно, настаивать, что потребление соли всего лишь иллюзия вкуса или вкусовой предрассудок, но что это даст хорошему самочувствию? Так почему же мы должны лишаться взглядов, столь полезных в кризисных ситуациях, взглядов, помогающих осмыслить наше существование?

Да и как можно знать, что эти взгляды неверны? Многие могли бы согласиться со мной, если бы я откровенно заявил, что подобные идеи иллюзорны. Но им трудно понять, что как отрицание, так и утверждение религиозной веры “доказать” невозможно. Мы полностью свободны в выборе точки зрения, при любых обстоятельствах это решение произвольно.

Есть, однако, веская эмпирическая причина, оправдывающая культивирование мыслей, которые никогда не могут быть доказанными. Причина заключается в полезности той или иной мысли. Человеку со всей определенностью необходимы общие убеждения и идеи, которые придают смысл его жизни и помогают ему отыскивать свое место во Вселенной. Человек способен преодолеть совершенно невозможные трудности, если убежден, что это имеет смысл. И он терпит крах, если сверх прочих несчастий вынужден признать, что играет роль в “сказке, рассказанной идиотом”.

Предназначение религиозных символов, — придавать смысл человеческой жизни. Индейцы пуэбло верят, что они — дети Солнца-Отца, и эта вера открывает в их жизни перспективу (цель), выходящую далеко за пределы их ограниченного существования. Это дает им достаточную возможность для раскрытия личности и позволяет им жить полноценной жизнью. Их положение в мире куда более удовлетворительное, чем человека нашей собственной цивилизации, который знает, что он есть (и останется) не более чем жертва несправедливости из-за отсутствия внутреннего смысла жизни.

Чувство ширящегося смысла существования выводит человека за пределы обыденного приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потерянным. Будь святой Павел убежден, что он всего лишь бродячий ковровый ткач, то, разумеется, он не сделался бы тем, кем стал. Его подлинная заряженная смыслом жизнь протекала во внутренней уверенности, что он Божий посланник. Можно, конечно, обвинить его в мегаломании (мании величия), но насколько бледно подобное мнение перед свидетельством истории и суждением последовавших поколений. Миф, овладевший им, сделал его несравненно великим, — и это из простого ремесленника.

Миф этот, однако, составляют символы, которые отнюдь не были изобретены сознательно. Они произошли. Не человек Иисус создал миф богочеловека. Миф существовал за много веков до его рождения. И им самим овладела эта символическая идея, которая, как повествует св. Марк, вывела его из скудной ограниченной жизни назаретского плотника.

Мифы восходят к первобытному сказителю и его снам, к людям, движимым своими возбужденными фантазиями. Эти люди мало чем отличаются от тех, кого в последующих поколениях называли поэтами и философами. Первобытные сказители мало заботились относительно источников собственных фантазий, лишь значительно позднее люди заинтересовались их происхождением. Однако много веков назад, в так называемую эпоху Древней Греции, человеческий разум был достаточно продвинут, чтобы высказать догадку о том, что истории их богов не что иное, как архаичные и преувеличенные повествования о давно умерших царях и вождях. Люди уже приняли ту точку зрения, что мифы слишком невероятны, чтобы значить то, о чем они говорят. Поэтому они попытались свести их к общепринятой форме.

Ближе к современности мы видели, что подобные вещи случались с символизмом снов. В те годы, когда психология пребывала в детском возрасте, было известно, что сны важны. Но подобно тому, как греки убедили себя, что их мифы всего лишь разработки рациональной, или “нормальной”, истории, так и некоторые пионеры психологии пришли к выводу, что сны не означают того, в роли чего возникают. Образы или символы, представляемые снами, были отвергнуты по причине причудливости форм, в которых вытесненные содержания психического являлись сознательному разуму. Стало само собой разумеющимся, что сон означает нечто совсем иное, нежели его явное содержание.

Я уже высказал свое несогласие с этой идеей, несогласие, приведшее меня к изучению формы и содержания снов. Почему они должны значить что-то другое, отличное от их очевидного содержания? Есть ли в природе что-то другое? Сон является нормальным и естественным явлением, и он не может означать то, чего нет. В Талмуде даже сказано, что сам сон и есть его собственное толкование. Замешательство возникает в связи с тем, что содержание сна символично и поэтому многозначно. Символы указывают другие направления, чем те, которые мы привыкли постигать сознательным разумением, таким образом они связаны с тем, что либо не осознается, либо осознается не вполне.

В научном сознании такие явления, как символические идеи, ничего, кроме досады, не вызывают, поскольку их невозможно сформулировать так, чтобы удовлетворить требованиям интеллектуальной логики. Но в психологии это не единственный случай. Проблема начинается с явлений “аффекта” или эмоции, ускользающих от всех попыток психологов дать им окончательное определение. Во всех случаях причина одна и та же — вмешательство бессознательного.

Мне достаточно известна позиция науки, чтобы понять, насколько неприятно иметь дело с теми фактами, которые нельзя адекватно и полно усвоить. Трудность этих явлений заключается в том, что сами факты несомненны и неоспоримы и в то же время невыразимы в мыслимых терминах и понятиях. Для этого необходимо обладать возможностью понимать саму жизнь, так как именно сама жизнь поставляет эмоции и символические идеи.

За академическим психологом остается право отбросить явление эмоции или понятие о бессознательном (или обоих) из своего поля зрения. Но они остаются фактами, от которых не может отмахнуться практикующий медицинский психолог, ибо и эмоциональные конфликты и вмешательства бессознательного являются классическими составляющими предмета его

внимания. Если он всецело занят больным, он так или иначе сталкивается с подобными иррациональностями как непреложными фактами, безотносительно к его способностям выразить их в рациональных понятиях. Поэтому совершенно естественно, что люди, не имеющие медико-психологического опыта, с трудом воспринимают переход психологии из спокойной научной разработки к активному участию в событиях реальной жизни. Практика стрельбы по мишеням сильно отличается от действий на поле боя, врач же имеет дело с жертвами реальных сражений. Он должен заниматься психическими реальностями, даже если и не может воплотить их в научные определения. Поэтому никакой учебник не сможет научить психологии, ее постигают лишь в реальном опыте.

Мы сможем это ясно понять, когда рассмотрим некоторые хорошо знакомые символы.

Крест в христианстве, к примеру, есть важный символ, выражающий множество разных аспектов, идей и эмоций; однако крест в списке людей, изображенный после фамилии человека, означает всего лишь то, что человек этот мертв. Символ фаллоса играет всеобъемлющую роль в индуизме, но если его рисует уличный мальчишка на стене, то это отражает лишь его интерес к своему пенису. Поскольку детские и подростковые фантазии часто продлеваются во взрослую жизнь, то во многих снах возникают безошибочные сексуальные намеки. Абсурдным было бы искать здесь еще какой-то смысл. Но когда каменщик говорит о “монахах” и “монахинях” по поводу черепичной кладки, а электрик о разъемах типа “мама” и “папа”, то смешно думать, что они погружены в подростковые фантазии. Они просто пользуются образным языком в назывании предметов своей работы. Когда образованный индуист рассказывает вам о лингаме (в индуистской мифологии — фаллос, представляющий бога Шиву), вы услышите о вещах, которые на Западе никогда не связывают с пенисом. Лингам ни в коем случае не является неприличным намеком, так же, как и крест не просто знак смерти. Многое зависит от зрелости сновидца, которому являются эти символы.

Толкование символов и снов требует ума. Его невозможно превратить в механическую систему и втиснуть в мозги без воображения. Оно требует как растущего знания об индивидуальности сновидца, так и непрерывно пополняющегося самосознания со стороны самого толкователя. Ни один опытный специалист в этой области не будет отрицать, что существуют эмпирические правила, доказавшие свою полезность, но применение которых должно быть в высшей степени благоразумным и осторожным. Можно следовать всем нужным правилам и все равно прийти к полной ерунде из-за того, что упущена показавшаяся малозначительной деталь. Но даже человек с высоким интеллектом может уйти далеко не туда при отсутствии интуиции и чувствования.

Когда мы пытаемся понять символы, то сталкиваемся не только с самим символом, но прежде всего перед нами возникает целостность индивида, воспроизводящего эти символы. А это включает исследование его культурного фона, в процессе чего происходит заполнение многих пробелов в собственном образовании. Я положил себе за правило рассматривать каждый случай как совершенно новое дело, о котором мне ничего не известно. Рутинные ответы могут оказаться полезными и практичными, пока имеешь дело с поверхностным уровнем, но как только касаешься жизненно важных проблем, то тут уже сама жизнь берет верх и даже наиблестящие теоретические построения оказываются подчас пустыми словами.

Воображение и интуиция являются существенно важными в нашем понимании. И хотя существует расхожее мнение, что они нужны главным образом поэтам и художникам (что в “разумных” делах им лучше не доверять), фактически они в равной степени важны и в более высоких областях науки. Здесь они также все в большей и большей степени играют важную роль, дополняя “рациональный” интеллект и его применение в частных проблемах. Даже физика, самая строгая из всех наук, в удивительной степени зависит от интуиции, работающей на путях бессознательного (хотя позднее можно продемонстрировать логические ходы, которые ведут туда же, куда и интуиция).

Интуиция — неоценимое качество в толковании символов, и зачастую можно быть уверенным, что они молниеносно понимаются спящим. Но хотя такое удачное предчувствие может оказаться субъективно убедительным, оно также может быть и опасным. Оно легко приводит к фальшивому чувству безопасности. Может, например, склонить и сновидца и толкователя к продолжению легких и уютных отношений, выливающих в некий род взаимного сна. Здоровая основа действительно разумного знания и морального понимания оказывается потерянной, если удовлетвориться пониманием “предчувствия”. Объяснить и знать можно, лишь сводя интуицию к точному знанию фактов и логических связей между ними.

Честный исследователь должен допустить, что он не всегда может сделать это, но было бы нечестным не делать это все время в голове. И ученый — тоже человек. Поэтому для него естественно не любить вещи, которые он объяснить не может. Всеобщей иллюзией является вера в то, что наше сегодняшнее знание — это все, что мы можем знать вообще. Нет ничего уязвимого более, чем научная теория; последняя — всего лишь эфемерная попытка объяснить факты, а не вечную истину.